

Валерий Хотног

***МАЛЕНЬКИЕ
ИСТОРИИ***

Валерий Хотног
Маленькие истории

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Хотног В. К.

Маленькие истории / В. К. Хотног — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Книга представляет собой сборник из семи рассказов. Это реальные истории из жизни автора до периода работы в КВН. Возможно, представленные рассказы позволят иначе взглянуть на жизнь, интересы и увлечения молодежи в СССР. Юмор, обширная география действия, реальные персоналии, лаконичность – все это поддерживает интерес читателя. Последняя история является знаковой, поскольку дает ключ к пониманию многих поступков автора, описанных в книге «Двадцать пять лет в плену у веселых и находчивых».

МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ

В. Хотног

Начало

После окончания школы ни у кого в нашей семье не возникало вопросов по поводу моего дальнейшего обучения. Надо было поступать в Кишиневский политехнический институт. На любой факультет. Но в политех. Причина очень проста – мой родной дядя учился в этом институте. Да и среди папиных знакомых особо ценился именно этот институт. А моя тяга к техническим наукам, по мнению взрослых, только подтверждала правильность выбора. Когда я учился в старших классах мои технические самоделки «доставали» всех. Однажды родная тетя готовилась за моим столом к сессии. Когда набежали тучи и в комнате стало темно, сработал фотоэлемент, включилась настольная лампа и стали закрываться шторы. От испуга она до вечера лишилась дара речи.

Итак, для обучения был выбран энергетический факультет.

Поступил без проблем, никаких поддержек, репетиторов. В моей группе я был единственный человек из Кишинева. Все остальные, включая трех девушек, приехали из дальних районов Молдавии. Большая часть ребят поступила после армии. Стать отличником в такой группе не составило никакого труда. У меня все списывали, поэтому надо было приходить на занятия раньше. Занятия проходили в самом центре Кишинева,

за

зданием ЦК Коммунистической партии Молдавии. Уважительное отношение со стороны большинства на потоке мне удалось завоевать уже в первом триместре. На потоке было три группы. В двух других группах обучались и сверстники из Кишинева. Особо много их было в третьей группе, причем среди них были представители «золотой молодежи». Прически, одежда, главным атрибутом которой были джинсовые костюмы, и увлечения, возвели непроницаемую стену между ними и остальной частью курса. Многие смотрели на них с нескрываемой завистью. Не могу сказать, что и я им завидовал, но что-то в их поведении меня завораживало. Всем потоком мы ходили только на лекции, но случалось, что преподаватели вдруг устраивали блиц-опрос прямо на лекциях, и тогда я блистал своими знаниями. В такие редкие минуты с завистью смотрели уже они на меня.

Несмотря

на то, что это были дети высокопоставленных родителей, тяга к знаниям у них была. Ни со мной, ни с другими они не дружили. На одном из старших курсов была еще одна такая группка, вот они вместе и водились.

К концу первого курса меня стало тяготить обучение на энергетическом факультете.

К тому времени, дядя был на пятом курсе. Иногда он оставался ночевать у нас. Я с ним подолгу общался и листал его конспекты. И понял, что это все мне совершенно не интересно. К концу года я стал собирать информацию о других факультетах и специальностях нашего института. Выбор еще не был окончательным, но после летней сессии я пошел к декану факультета, господину Парсаданяну, с просьбой разрешить перевод на другой факультет. Он даже не выслушал меня до конца. Не так много у него было отличников, и он их всех оберегал. На нашем курсе кроме меня на повышенную стипендию шел еще Дмитрий Брагиш (будущий министр экономики Молдавии).

Поэтому

декан заявил:

– Я категорически против! И никуда не отпущу! А если надо будет, переговорю с деканом факультета, куда вы собираетесь переводиться. Вы соображаете, что делаете? Да, у вас через год может быть ленинская стипендия!

О стипендии, конечно, я знал. На факультете у меня была и необходимая для получения повышенной стипендии общественная работа. Я не так активно занимался

комсомольской работой, как Брагиш, но моя общественная работа тоже была весомая: меня приняли в «тараф» (ансамбль народных инструментов), зачислив при этом на Факультет общественных профессий. На всех крупных праздниках мы представляли институт на городских концертных площадках.

Тем летом, после разговора с деканом, я немного остыл с переводом. Пошел на практику, а осенью вновь начались занятия.

Как-то в один из дней, когда были практические занятия, мы переходили из аудитории в аудиторию. Еще по случаю моего поступления в институт, родители с большим трудом и «по большому благу» купили мне дипломат. В то время они только входили в моду. В него не все учебники помещались, иногда приходилось таскать еще и пакеты, но ходить с импортным дипломатом было пискom моды. Темно зеленый дипло-

мат

под «крокодилю кожу» был среднего размера и аккуратно помещался в стол аудиторий. Придя на пару по высшей математике, я достал конспект, учебник, и засунул дипломат в стол. Занятия прошли как обычно. Заработав какие-то оценки, в конце пары умудрился еще сделать домашнее задание. Именно домашнее задание меня и задержало в аудитории дольше остальных. Закончив решать задачку, достал дипломат, чтоб положить тетрадь и книгу. И вдруг почувствовал, что вместе с дипломатом вытащил из стола еще что-то. Посмотрел. Квадратный конверт темного цвета, обтянутый целлофаном. С одной стороны фотография какой-то кучки людей у стены, в свете прожектора. И какие-то надписи на английском языке. В школе я учил французский, однако выбранная специальность требовала знаний английского, поэтому меня зачислили в начинающую группу и, по крайней мере, определить, что это английский я смог. В аудитории никого

уже

не было, до окончания перерыва оставалось немного времени, надо было спешить. Я засунул находку в дипломат. Она туда поместилась прямо точно по размерам! Убежал на последнюю пару. Придя домой, выложил все из дипломата и два дня не обращался к находке. Был период сдачи контрольных работ, а к учебе я относился очень ответственно. Никаких объявлений о потерянных вещах в институте я не видел, никто ничего не искал. В конце недели, разбирая учебники, занялся вплотную конвертом. Только тогда понял, что это музыкальная пластинка. Причем зарубежная. Конверт был распечатан. Внутри был вкладыш, в котором и находился диск. На вкладыше черно-белая фотогра-

фия:

два мужика и женщина, а перед ними какие-то нищие дети. И вдруг я понял, что пластинку хозяин и не стал бы искать, за «распространение чуждой» музыки во время лекций могли ведь и «попереть» из института. Была середина семидесятых. Идеологическое воспитание проводилось на высшем уровне, поэтому ощущение, что держу в руках идеологическую диверсию, у меня было точно. А вот куда ее «сдать» я даже не догадывался.

На чердаке у нас был патефон и старые патефонные пластинки, а в доме только синие гибкие пластинки с песнями популярных советских ВИА. И, традиционный по тем временам для всех семей СССР, радиоприемник ВЭФ, который имел наверху механизм для проигрывания пластинок. Я понятия не имел о типах снимающих звук игл, об их тяжести. Достал пластинку. Какой-то волшебный свет исходил от нее, она оказалась немного гибкой, и я сразу ощутил, что держу в руках нечто очень ценное. Меня охватило необъяснимое волнение. Не могу описать свои ощущения, но я их запомнил на всю жизнь.

Что-то мне подсказывало, что я держу в руках свое будущее.

Поставил пластинку на проигрыватель, опустил иглу и стал слушать. Музыка,

которая «полилась» с динамиков меня околдовала, она была совершенно иной и мне не знакома. Через минуту, кто-то, управляя моей рукой, поднял иглу. Настоящая мистика. Весь потный, я снял пластинку с проигрывателя, положил в конверт и стал переводить титульный текст со словарем. Перевод мне ни о чем не говорил. На следующий день, я пошел в самый большой городской магазин техники и стал интересоваться проигрывателями.

Через месяц я уже хорошо разбирался в советской технике воспроизведения пластинок. Еще несколько месяцев ушло на то, чтобы купить сносный стерео проигрыватель. Для этого мне пришлось согласиться, наконец, на долгие уговоры соседей играть с ними на свадьбах. Тогда это был единственный для меня способ быстро заработать деньги. Все это время диск лежал в столе. А я, играя в тарафе и на свадьбах, хоть и полностью был погружен в музыку, но в совершенно другую.

Еще через месяц я прочел все, что было написано на вкладыше и на самой пластинке. Кое-что уточнил у преподавателя, к ее удивлению, демонстрируя неожидан-

ное

стремление к изучению английского вне программы. Чтобы все прочитать мне понадобился почти месяц, чтобы осознать новое – почти год, чтобы изменить вкусы и жизнь – чуть меньше двух лет.

В конце второго курса, я дождался пока наш декан ушел в отпуск, и подошел к его заместителю с просьбой разрешить перевод. Собираясь переводиться на экономический факультет, я лишился не только повышенной стипендии, но и обычной, поскольку становился задолжником. А еще терял год, поскольку меня зачисляли опять на второй курс. Заместитель декана подписал заявление. Родители вздохнули, но согласились содержать меня. А через месяц экономический факультет расформировали, и все экономические специальности разбросали по соответствующим факультетам. Моя специальность «Экономика строительства» оказалась на факультете ПГС. На потоке

было

две группы. Студенты, в большинстве своем, городские. Многие из крупных городов севера Молдавии, причем некоторые из ребят хорошо разбирались в современной рок музыке.

В течение двух лет, произошедшие, на первый взгляд, разрозненные события, соединились в стройную цепочку событий, необходимых и достаточных, чтобы произо-

шел

сдвиг в моем сознании, и начались формироваться соответствующие вкусы. По прошествии этих двух лет, я уже учился в новой группе, съездил на гастроли с народным коллективом в Австрию и привез оттуда стопку новых виниловых дисков, стал в родном городе «менялой» дисков, а в институте вместе с несколькими единомышленниками организовывал дискотеки, используя в основном личную фонотеку.

На потоке нас оказалось три человека фанатов музыки. Я – поклонник «Queen», Славка Губин – «Led Zepelin», и Сашка Давыденко – «Deep Purple». Мы с трепетом ожидали выхода новых альбомов своих любимцев и до хрипоты отстаивали их ценность. Помню как меня гнобили всем курсом за новый вышедший в 1977 году альбом «Jazz» группы «Queen». «Твои любимцы предали своих поклонников. Это же танцевальная музыка!», – кричали мне в ухо. А я принял тот альбом, с которого начались необычные

для

«Queen» эксперименты. Я просто был счастлив, что они такие многообразные. До выхода «The show must go on» оставалось ждать еще 14 лет. А композицию «Don't stop me now» я принципиально крутил на всех дискотеках. Мы знали о своих любимцах все, какое у

них

образование, чем увлекаются, у кого какие привычки. И это притом, что по эту сторону «железного занавеса» никакой информации не было. На лекциях мы писали конспекты с Губиным не как обычно на всю ширину листа, а очень мелко и таким образом, чтобы из собственных записей получались на каждой странице по букве из названия любимой группы. Преподаватели просто пожимали плечами, ругать не за что было. А наказывали Вадима Ожога, который обычно сидел рядом с нами и набрасывал шаржи на самих преподавателей.

Фишкой нашего увлечения рок музыкой были соревнования прямо на лекциях.

Один из нас задавал название группы, а двое остальных составляли за короткое время дискографию этой группы – писали год выпуска альбомов и их названия. В основном выигрывал Губин, которого почему-то за год до этого «турнули» из МАИ. Но через год, я составлял ему реальную конкуренцию, причем в отличие от него, многие из описываемых дисков на тот момент уже держал в руках. Скоро мне такое самоутверждение стало надоедать. Переломный момент наступил в 1979 году, когда свой новый альбом выпустила группа «Aerosmith». Назывался он «Night in the ruts» и в нем было многое от «грандов» рок музыки. Бесконечные сломы по музыке свидетельство-

вали,

что новая волна музыкальных групп очень даже достойна внимания. Мы с моим приятелем Игорем Топовым слушали каждую композицию по несколько раз и синхронно называли «отцов», чей стиль безошибочно угадывался в музыке «Aerosmith». С того дня мои музыкальные пристрастия стали расширяться и Губину с Давыденко стало со мной не очень интересно, я ведь стал молиться не только признанным иконам музыки.

И конечно, через два года я хорошо знал, что же оставили тогда для меня в самом центре родного города, в столе одной из аудиторий второго корпуса Кишиневского политехнического института. Это был альбом McCartney «Band on the run». Тогда это был единственный фирменный альбом McCartney того года, завезенный в Молдавию. И еще долго оставался таким. К сожалению, затертый почти на минуту звукоснимателем рижского приемника ВЭФ. Именно этот диск не только положил начало моему увлечению, но и изменил дальнейшую жизнь. Он стал первым винилом в моей коллекции и хранился у меня пока я не уехал в Москву.

После моего отъезда, родная сестра, не будучи фанаткой музыки, поддалась «наступлению» лазерных дисков. В смутное время перестройки, «избавляясь» от старых винилов, положила их вместе с кипой черно-белых фотографий рок музыкантов в отдельный пакет и выставила рядом с мусорными контейнерами.

Сейчас ее поступок воспринимается иначе.

Я вернул ЕГО назад. С благодарностью, с «прибавкой». И все это стало «находкой» уже для другого человека, кому она тогда была нужна:

– Посмотри, тут какой-то пакет. Явно это не мусор!

– Возьми, дома разберемся...

Крик в ночи

Мои увлечения в студенческие годы требовали денег. «Халтуры» на свадьбах приносили очень хорошие деньги. Но впрягся я в это дело основательно только на старших курсах. Играл даже в свой первый год работы ассистентом на кафедре после окончания института, пока не повстречал в одном из сел своего студента. Он был шафе-

ром

на свадьбе. Дальше продолжать «халтурить» было уже не безопасно для карьеры. Даже сегодня, я не считаю те деньги легкими. Играли в селах, на традиционных молдавских свадьбах, в основном по два дня, и на улице. Часто поздней осенью, когда уже ударяли

морозы и замерзали пальцы. Человеческие отношения раскрывались перед моими глазами

во всем их многообразии. Чаще всего под действием алкоголя. То был адский труд. Но даже его нельзя сравнивать с тем ужасом, с которым я столкнулся, подрабатывая в начале своего обучения. И который, собственно и заставил меня позже окончательно «подсесть» на свадьбы.

Поскольку на младших курсах дополнительных заработков не было совсем, я согласился с идеей одного из наших однокурсников работать летом в студенческом отряде

проводников. Прошли обучение в Кишиневском «Резерве проводников», сдали экзамены.

Каким-то непостижимым образом, еще до начала обучения, узнали все премудрости «левого бизнеса» проводников. Даже прикинули сумму дохода, поскольку маршрут был известен: «Кишинев – Москва».

Сдав досрочно летнюю сессию, начали работу в этом таинственном стройотряде, в котором, кроме студентов политехнического института, были еще и медицинского. Если бы сегодня я оказался вновь перед возможностью выбора, ни за что не согласился бы там работать. А ведь это был Советский Союз. Официально, никакого разгула бандитизма, никакого свободного рынка и бизнеса. И тем не менее, все, от чего меня удерживали в семье и школе, все, что некоторые постигали годами, выбрав путь, чуждый морали коммунизма,

все это накатило за два месяца. Может быть, то была специфика маршрута, может, особенность того времени. Но хватило на целую жизнь.

Самый приятный личный опыт – первая женская грудь в руках. Самый жуткий – риск жизнью. Один раз своей, другой – пассажира. Не могу утверждать, что те «университеты» не оставили следа в моей жизни.

Работать по «обороту» нам не очень разрешали. «Оборот», это когда сразу по возвращении из одного рейса, проводник уезжал в следующий. Обычно, поезд обслуживали две бригады. И пока вторая бригада, совершала поездку по маршруту на нашем поезде, мы отсиживались дома.

Желание заработать толкало нас на дополнительную работу. Возникла мысль ездить на внутренних рейсах, по республике. Эти рейсы были короче, мы успевали, и отдохнуть, и дополнительно заработать. Главное отличие от поездок в Москву заключалось в том, что на внутренних рейсах мы работали только в паре со штатными проводниками. Чаще всего с женщинами. Причем, с достаточно взрослыми и профессиональными. Это был для нас ценный опыт.

Один из таких внутренних рейсов был организован таким образом, что от состава, который следовал из Кишинева в Рени, на станции Бесарабка, «отстегивали» два вагона и отправляли в другое направление. А на обратном пути, на той же станции, мы ждали,

пока эти два вагона пригонят и подцепят к основному составу.

Во время одной из таких поездок, основной состав приехал на Бесарабку и ждал те самые вагоны. Что-то с ними случилось. Ждали слишком долго. Была ночь. Теплая южная

ночь. Все вывалили из вагонов на платформу. Поскольку туалеты на стоянке были закрыты, некоторые пассажиры направились к туалетам на станции. Кто-то побежал в буфет. Я стоял на перроне, вместе с проводниками. Вдруг в тишине раздался детский плач.

Он был какой-то необычный. Не могу объяснить, но у меня возникла аналогия с

музыкальной записью – звук как будто периодически подрывался. Он доносился откуда-то

с другой стороны состава, но недалеко от нас. Поскольку плач нарастал и усиливался, проводницы открыли противоположную дверь тамбура, спустились на другую сторону и стали идти на крик.

Буквально через мгновение, из под вагона раздался голос:

– Маша, быстро принеси одеяло!

Проводницы засуетились и, через несколько минут, занесли в вагон что-то укутанное в одеяло.

Меня сразу поразило насколько сработанные и где-то привычные были действия проводниц.

–Слушайте, у меня в вагоне ехала беременная. Может она где-то рядом.

–Если бы она родила там, то мы бы ее увидели. А ее нет.

–Бабы, давайте искать в вагоне.

И несколько проводниц стали «прочесывать» вагон. Мы шли тенью за ними.

Никого. О происшествии уже знал бригадир. Он, видимо, сообщил начальнику станции, но особого ажиотажа это еще не вызвало.

–Маруся, а проверь-ка ты туалеты, может она где-то без сознания лежит,– стала рассуждать самая пожилая проводница.

Первый туалет оказался пустой. Второй, проводница не смогла открыть:

–Кто-то держит с внутренней стороны. Ваня попробуй ты.

Проводник соседнего вагона навалился на трехгранный ключ, открыл дверь, заглянул во внутрь туалета. Но тут же испуганный и побледневший вылетел оттуда:

–Она там. Я не могу...

Пожилая проводница крикнула:

–Ну-ка все на перрон, особенно студенты. Ваня беги за врачом. Маруся давай полотенце и стой на входе, никого не впускай.

Нас вытолкали на перрон. И тут началась всеобщая суета. Пришла медсестра из медпункта. Следом – милиционер. Через некоторое время, приехала карета «скорой помощи».

Новость облетела всю станцию. Народ стал подтягиваться со всех сторон.

Конец истории отпечатался фотографией в моей памяти. Коридор из живых людей между вагоном и зданием вокзала. По нему впереди идет врач «скорой» и несет что-то завернутое в одеяло. Следом, еще один врач «скорой», с медицинскими инструментами.

Потом проводница, с какими-то вещами. За проводницей следует молодая босая девушка,

с распущенными волосами и с ногами по колено в крови. Я не вижу ее лица, оно закрыто волосами. Девушка идет с трудом и с полным безразличием к окружающим. Мне кажется, она уже простилась с жизнью. Замыкает шествие милиционер, который несет ее портфель. И нелепая мысль в моей голове: «Этот портфель совершенно не подходит ее гардеробу».

Поначалу, тихо, робко, затем все громче и настойчивее стали доноситься возгласы из толпы:

–Мне бы этого ребенка отдала!

–Ну, сука, убить ее мало!

– Как можно живого ребенка в окно выбросить?

–Да как она смогла окно туалета открыть? Мы уже несколько лет его не открываем...

– Крепкая, стерва...

–Отдала бы в детдом...

Вернувшись после поездки, я особо не распространялся о случившемся. Но часто думал об этом. В ту ночь, по разговору проводниц я понял, что такие ситуации у них не впервые. Обычно новорожденного выбрасывали на ходу. И если бы не вынужденная в ту ночь задержка на Бесарабке почти на час, судьба ребенка была бы предрешена.

Больше на внутренних маршрутах я не работал. Это происшествие надолго оттянуло мой первый сексуальный опыт. У меня появился какой-то барьер к женщинам. Потом, конечно, природа взяла свое. И все забылось. Или мне казалось, что забылось. Поездами с того времени не люблю ездить. Страна другая, сервис другой, но не могу забыть премудрости профессии. Перед глазами вагоны «в отстойнике» с развешанным намоченным постельным бельем для изготовления «китаек», стаканы с разбавленным чаем и многое еще.

Прошло двадцать два года.

Как-то вечером в гостиной, жена, беременная сыном, спросила меня:

– Валера, а как ты отнесешься к предложению рожать дома?

Обалдев от услышанного настолько, что перестал соображать, я нервно выпалил:

– Я не готов на эту тему говорить, – а у самого перед глазами

вдруг появилась та самая картина на перроне провинциального молдавского городка.

На следующий день уже вспомнились детали того происшествия: женщина сама рождает в туалете поезда, вскрывает окно, выбрасывает ребенка. И все это проделывает, не привлекая к себе внимания окружающих. А затем, у нее еще хватает сил держать замок двери. Несколько дней прокручивал все в подробностях, переживая различные эмоции.

И

вдруг неожиданно, во мне что-то щелкнуло. Мне стало спокойно. Еще предстояло пройти немалый путь, но он был выбран.

Мы родили дома. Причем, именно, мы. В день родов, съемочная группа телепрограммы «Ноу-Хау», где я был генеральным директором, продюсером и ведущим, снимала материалы для очередной передачи. За несколько часов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.